

УДК: 930.1:631(571.61/.64+510)

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ УЧАСТИИ ГРАЖДАН КИТАЯ
В АГРАРНОЙ ОТРАСЛИ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1990–2010-Е ГГ.

Е.Н. Чернолуцкая

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
ул. Пушкинская 89, г. Владивосток, 690005,
e-mail: chvalery@mail.ru

В статье представлен анализ подходов и оценок англоязычной историографии в отношении китайского проникновения в аграрную отрасль дальневосточного приграничья в 1990–2010-х гг. с акцентом на социальных трансформациях, эволюции форм собственности и типов хозяйственной организации. Труды западных исследователей отражают неоднородность, расширение и усложнение китайского аграрного сегмента на РДВ – от экспорта рабочей силы до функционирования фермерских хозяйств и крупных агропроизводств с участием частного и государственного капитала КНР, а также создания совместных объединений с российскими акторами. Другой стороной этого процесса является социальная дифференциация российского и китайского сельского населения пограничных территорий. Статья выявляет также мнения экспертов по вопросу о выгодах, проблемах и рисках китайского экономического присутствия для российского периферийного региона.

Ключевые слова: аграрная отрасль, китайско-российское сотрудничество, экспорт труда, фермерские хозяйства, агропредприятия, юг Дальнего Востока России, Северо-Восточные провинции КНР.

Постановка проблемы

Сотрудничество КНР и России в сельскохозяйственной отрасли началось в последние годы советской эпохи с либерализацией внешней политики и пограничного режима в СССР и получило новый импульс после образования Российской Федерации. Мировое экспертное сообщество, проявляющее интерес к дальневосточному региону как площадке геополитического и экономического взаимодействия в АТР, не оставляло без внимания эту сферу, в целом оптимистично оценивая её как часть необходимой международной интеграции, которая должна привести к экономическому росту и модернизации российского Дальнего Востока (РДВ), ослаблению его зависимости от центра [подробнее см.: 6]. Однако реальное развитие этого процесса идёт неоднозначно, сопровождаясь определенными достижениями, проблемами и трудностями, равноценная выгода его участников не всегда очевидна.

В зарубежной историографии Дальнего Востока значительную часть составляют англоязычные публикации, что исходит еще от времен советологии 1960–1980-х гг. Широко представлен в них и современный этап российско-китайских взаимоотношений. В основном это работы экономистов, политологов, демографов, фокусирующих свой анализ на экономическом и стратегическом партнерстве, кросс-границных миграциях и др. Вместе с тем прошедшие три десятилетия предо-

ставляют науке материал для того, чтобы рассмотреть происходившие события также и с позиции исторических трансформаций.

Объект и методы

В статье ставится задача, опираясь на методологию социальной истории, выявить, как англоязычная историография оценивает китайское проникновение в аграрную отрасль юга РДВ с точки зрения социальных сдвигов, эволюции форм собственности и типов хозяйственной организации на селе, происходивших при взаимодействии российской и китайской сторон. В такой постановке проблема в научной литературе до сих пор не ставилась.

Выбор публикаций для анализа определяется состоянием этого направления зарубежной историографии. К настоящему времени оно не приобрело устойчивого характера и ограничивается небольшим числом в основном малоформатных работ. Во многом это объясняется тем, что ученые сталкиваются с рядом ограничительных факторов методологического и инструментального характера. Полноценный исторический горизонт изучаемого явления еще не проявился, в большинстве исследования проводятся в рамках актуального времени и отражают лишь отдельные аспекты проблемы. Другая (пожалуй, главная) трудность – это недостаточное количество источников. Доступная официальная информация (как российская, так и китайская) далеко не полна, часто противоречива

и несопоставима, являясь следствием недостатков миграционного учета, государственной статистики, существования «теневых» явлений и др. Кроме официальных материалов авторы используют также русские и китайские СМИ, социологические опросы, интервью, различные интернет-сайты. Но и всё это в комплексе оставляет множество информационных лакун.

Результаты исследования и их обсуждение

Эволюцию англоязычной историографии можно проследить на основе изменения аспектного ряда исследований. В работах 1990-х гг. аграрная сфера российско-китайского взаимодействия не выступала самостоятельным предметом изучения, в лучшем случае она упоминалась или подразумевалась в контексте более широких процессов, что было характерно и для отечественных работ. Наиболее обсуждаемым был вопрос о расширяющейся китайской иммиграции на РДВ в целом. Западные аналитики доказывали, что в условиях кризиса и депопуляции она полезна для региона. Прогнозировалось, что ее масштабы не будут столь значительными, чтобы стать угрозой российским интересам по причине низкой привлекательности этой депрессивной территории [7 и др.]. «Единственный аргумент в пользу южной части Дальнего Востока как места для китайской миграции, – убеждал В. Конторович, – состоит в его непосредственной близости» [13, р. 9–10].

В 2000-е гг. по мере расширения китайского экономического проникновения на РДВ и накопления нарративного материала публикации получили бóльшую конкретику, наметилась тенденция переноса акцентов с макро- на микроуровень. Ценным вкладом в развитие направления можно считать появление работ, в которых современная агросфера на РДВ рассматривается как пространство трансформации экономических и социальных отношений, затрагивающей сообщества по обеим сторонам границы. В этом плане нам видится продуктивным сопоставление публикаций по проблемам землепользования и динамики сельского хозяйства приграничных районов двух стран-соседей.

В отношении российского Дальнего Востока такой анализ провели Дж. Дункан и М. Ruetschle (2002), показав реализацию аграрной реформы в 1990-е гг. в Амурской области и в Хабаровском крае, что отражает и состояние той социально-экономической базы, в рамках которой начал функционировать китайский сегмент. В результате реформы собственность бывших советских колхозов и совхозов была приватизирована пре-

жде всего членами этих хозяйств. Часть земель перешла в районные земельные фонды под начало местных властей, которые, как предполагалось, должны были перераспределить эти площади в пользу крестьян-фермеров. Однако на Дальнем Востоке более 50% угодий были удержаны от приватизации и остались в самих этих фондах. Районные власти предпочли сдавать их в аренду, сохраняя возможность расторжения договора в случае ненадлежащего использования участков. Эта стратегия, как видится авторам, направленная на сокращение неэффективного земледелия, опиралась на принцип сохранения высокого уровня государственного контроля [11, р. 194–195, 200–201].

В работе выделены три типа российских агропроизводителей, появившихся в регионе в 1990-е гг.: крупные сельхозпредприятия, крестьянско-фермерские хозяйства и владельцы небольших (дачных или приусадебных) участков. В контексте нашей проблематики интерес представляют первые два. В работе показано, что *крупные предприятия* возникали на базе старых колхозов лишь с косметическими изменениями. Только единицы из них провели реконструкцию, которая позволила им стать успешными. Большая же часть медленно ослабевала, испытывая финансовые и кадровые трудности. Многие пайщики на земле не работали. *Крестьянские фермы* образовались в результате выведения индивидуальных земельных паев из коллективных хозяйств, а также присоединения к ним арендованных участков. Доля земель крестьянско-фермерских хозяйств на РДВ, по данным авторов, была примерно такой же, как и в целом по России (около 6%). В 1990-е гг. средний размер участков (в расчете на одно хозяйство) увеличивался, но их суммарная площадь и число самих хозяйств сокращались. Положение фермеров осложняли высокие цены на топливо, слабая механизация производства, отсутствие инфраструктуры хранения урожая, конкуренция со стороны китайцев и др. Некоторые фермеры уходили с официального учета в неформальный сектор.

Авторы приходят к выводу, что в целом в течение первого постсоветского десятилетия сельскохозяйственное производство на Дальнем Востоке, потеряв былую поддержку со стороны государства и испытывая большой отток населения, постепенно деградировало. Существенно сократилась общая площадь используемых земель и, соответственно, образовались большие массивы пустующих сельскохозяйственных угодий. Острыми проблемами для всех типов хозяйств

были нехватка рабочей силы и капиталов для развития [11, р. 194–197]. К сожалению, эта добротная публикация хронологически ограничивается 1990-ми годами и нам не удалось выявить столь же целенаправленные зарубежные исследования по последующему периоду.

Вторая группа авторов анализирует ситуацию по другую сторону приграничья, создающую мотивацию для китайского проникновения в аграрную отрасль РДВ. Основными донорами выступают три Северо-Восточные провинции КНР – Хэйлуцзян, Гири и Ляонин при ведущей роли первой из них. В публикации Э. Вишник (2005) показано, что эти провинции страдают от высокого уровня безработицы и неполной занятости. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. туда направлялось 22% всей государственной помощи по бедности, в то время как проживает там только 8% населения Китая [16, р. 72].

В аграрной сфере КНР под влиянием реформ 1980-х гг. также происходили изменения, в том числе наметилась тенденция капитализации производства. Тем не менее, как следует из работы Цзяи Чжоу (2015), здесь по-прежнему доминируют мелкие крестьянские хозяйства. Сельские земли принадлежат деревенским коллективам, но распределены среди жителей села на равной основе в долгосрочное землепользование. Несмотря на то, что посевная площадь в трех пограничных провинциях в последний период росла, особенно быстро в 2000-е гг., резервы земли для распределения между домохозяйствами исчерпаны. Автор приводит примеры деревень, где на одного крестьянина приходится от 0,13 до 2 га земли, и уже ничего не осталось для новоприбывших [12, р. 4, 11, 15].

В ряде статей выявлены проблемы, которые сужают возможности сельхозпроизводителей на северо-востоке Китая: деградация окружающей среды, урбанизация, развивающийся дефицит водных ресурсов, падение цен на сельхозпродукцию, сокращение производства одной из основных культур – сои, что произошло в результате вступления Китая в ВТО и резкого усиления конкуренции. Все это принуждает многих крестьян устремить свой взгляд на земли к северу от границы [16, р. 72; 14]. Как выразился Дж. Мольц, природа «нашествия» китайцев на Дальний Восток должна пониматься не как организованная и контролируемая государством кампания, а как исход китайских крестьян – отдельных лиц или небольших семейных групп, которые «хотят улучшить свои экономические условия в перегретой и

инфляционно-опустошенной китайской экономике» [15, р. 193].

Важным предметом исследований является анализ и типологизация форм участия Китая в дальневосточной агросфере.

Экспорт труда из КНР в РФ

Значительное внимание ученых привлекает экспорт китайского труда – первая по времени распространения в постсоветский период и наибольшая по вовлеченности людских ресурсов форма взаимодействия. В сельском хозяйстве РДВ основной костяк китайских иммигрантов состоит из сезонных рабочих. Однако анализ агрегированных данных этого сегмента, его временной динамики и территориальной структуры слабо отражены в англоязычной историографии, прежде всего из-за того, что по имеющимся источникам его трудно вычленивать из общего миграционного потока (последний чаще всего и представлен в публикациях [7, р. 8–13 и др.]). Кроме того, выявленные частные случаи свидетельствуют о том, что часть мигрантов, прибывших в Россию в качестве сельхозработчиков, на самом деле заводит собственные фермерские хозяйства, и определить масштабы этого явления невозможно. С этими проблемами сталкиваются и российские исследователи, тем не менее, они делают более успешные попытки анализа данного аспекта, хотя и те далеки от завершающих обобщений [4, с. 112–123; 1, 5 и др.].

Зарубежные коллеги больше внимания уделяют организационным сторонам вопроса. Во многих работах выявлено, что экспорт труда из КНР развивается на основе соглашений российских региональных администраций или агропредприятий с китайскими органами местного самоуправления и государственными предприятиями. Работников набирают в сельской местности Северо-Восточных провинций Китая или среди неполностью занятых городских рабочих. Этим занимаются фирмы-экспортеры трудовых ресурсов. Некоторые из них подчинены Министерству экономики и торговли КНР, другие связаны с провинциальными министерствами труда, но большинство находятся в негосударственном секторе. Трудовое контрактование активно поддерживается провинциальными и местными властями КНР. Существует и вербовка, основанная на личных связях [16, р. 74, 82; 12, р. 12; 8 и др.].

Совокупность ряда публикаций отражает изменения состава нанимателей таких сельхозработчиков. На российской стороне ими поначалу выступали бывшие советские коллективные хозяйства и их постсоветские преемники, позже – и

дальневосточные фермеры. По мере расширения китайского предпринимательства в России основными импортерами сельхозрабочих становятся сами китайские фермеры и агропредприятия.

Практически ни одно исследование по данной тематике не обходится без хорошо известного тезиса о преимуществах китайских сельхозрабочих по сравнению с российскими. В работах также показано, что заработки китайцев в России существенно выше, чем на родине. Однако условия труда и быта часто бывают суровыми и даже кабальными. Из-за этого далеко не все из работающих готовы возвратиться сюда еще на один сезон. По некоторым данным, отсев тех, кто «не может терпеть лишения», составляет около 30% [12, р. 12, 17; 11, р. 214–215], что требует постоянного наращивания миграционного оборота.

Другой проблемой для экспортеров являются бюрократические препятствия и расходы, связанные с визовым и миграционным процессами. Авторы отмечают переменчивость российской административной политики, введение ограничительных квот, громоздкость процедур оформления, вымогательства со стороны должностных лиц и др. Вместе с тем ими выявлено, что китайцы находят уловки, чтобы обойти квоты и получить визы для «технических специалистов» или «прикомандированных сотрудников». Незаконная миграция на сезонные сельскохозяйственные работы – тоже проблема, хотя точные цифры невозможно проверить. Эти факторы в последнее время привели к появлению новой тенденции: китайские агропредприятия в России в поисках трудовых ресурсов подумывают о среднеазиатской рабочей силе [12, р. 16; 7, р. 14].

Аренда земли

В зарубежных публикациях обращено внимание на то, что аграрная реформа 1990-х гг. в России не предусматривала формирования доступного иностранцам рынка земли, поэтому в первое постсоветское десятилетие вложение их капитала ограничивалось единственной земельной транзакцией – арендой, которую граждане КНР получают от районных земельных фондов, агропредприятий и отдельных сельских жителей Дальнего Востока. Уровень арендных ставок в работах обычно не рассматривается. Лишь изредка можно найти замечание, что на РДВ они значительно ниже, чем в Китае [11, р. 205–206; 12, р. 13].

Не является предметом подробного изучения и правовая основа таких взаимоотношений. Тем не менее некоторыми авторами подмечено, что российское законодательство 1990-х гг. не

предоставляло иностранцам четко сформулированных правил аренды. С другой стороны, у арендаторов нередко отсутствовали надлежащие иммиграционные документы. По этим причинам аренда часто носила полулегальный или скрытый характер. С принятием в 2002 г. Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» сдача земли в аренду иностранцам в России получила прочную правовую основу и придала ей дополнительный импульс. Аренда расширялась как по площади, так и по срокам. Если в селах приграничных провинций КНР размеры участков в расчете на одного крестьянина составляли менее одного-двух гектаров, то на российском Дальнем Востоке китайский земледелец в 2000–2010-е гг. возделывал от 300–400 га до 1–2 тыс. га. Сроки аренды увеличились с одного года до 5, 20 и более лет (по закону разрешается до 49 лет). Получила распространение сдача земли в субаренду, которую практикуют как российские юридические и физические лица, так и китайские компании (арендующие земли у российской администрации), причем нередко это скрывается от официальных органов, чтобы уйти от налоговых выплат или завуалировать нарушения законодательства [11, р. 215; 12, р. 17; 14].

В публикациях начала 2010-х гг. речь идет уже об аренде огромных площадей: по Хабаровскому краю и ЕАО – около 426 тыс. га, а в целом по ДФО – 850 тыс. га. При этом отмечается, что в реальности эти цифры еще больше, так как достоверная статистическая информация отсутствует, что ставит под вопрос способность российских властей контролировать этот процесс [14; 9, р. 84].

Существует и другая злободневная для россиян проблема – угроза экологической безопасности со стороны китайских земледельцев, однако в англоязычных работах она обычно не анализируется.

Типы китайских агропроизводителей

Земельная аренда неразрывно связана с появлением и функционированием на юге РДВ китайских фермерских хозяйств. Поначалу в зарубежной историографии они рассматривались как аморфное явление без указания точного времени его возникновения в регионе. В ряде работ речь идет о конце 1990-х гг.

Дж. Дункан и М. Ruetschle приводят пример с Амурской областью, где наличие больших массивов пустующих земель заставило земельный комитет в конце 1990-х гг. проводить политику сдачи земли в аренду практически каждому, кто обращался за этим, включая в отдельных случаях

и фермеров-иммигрантов из Китая, Кореи и других стран [11, р. 201].

С. Дэвис (2003) считает, что наиболее благополучная на РДВ ситуация для китайских фермеров в конце 1990-х гг. сложилась в Еврейской автономной области, куда их пригласила областная администрация по тем же причинам, что и в Амурской области. По сведениям автора, в районе вокруг Биробиджана в 1999 г. работало 450 китайских фермеров, в 2001 г. – 300. Они производили зерновые, кукурузу, картофель, арбузы и дыни. Создали три животноводческих фермы, где выращивали до 1300 свиней. Эти хозяйства нанимали и русских жителей, которые при сложившемся в области дефиците рабочих мест соглашались даже на низкую зарплату [10, р. 73–74].

Одна из редких работ, в которой предпринята попытка более тщательного структурного анализа китайского сегмента в аграрной отрасли дальневосточного приграничья, принадлежит перу Цзяи Чжоу, что дает нам основание остановиться на ней более подробно. Опираясь на изучение опыта ряда частных лиц и отдельных компаний, автор охарактеризовала китайское фермерство как «любопытный феномен», раскрыв его неоднородный характер и постепенную трансформацию.

По её данным, первые самостоятельные китайские фермеры появились на РДВ уже с начала 1990-х гг., выделившись из среды сельскохозяйственных наёмных рабочих. Это самозанятые фермеры, т.е. вкладывающие в производство исключительно собственный труд. В дальнейшем часть из них стала привлекать родственников, односельчан и знакомых из сел Северо-Восточного Китая и постепенно превращаться в фермеров-предпринимателей («боссов»), создавших земледельческие и животноводческие хозяйства, овощные теплицы, быстро расширяя вложенный капитал, покупая машины и нанимая все больше работников (включая русских). Тех и других автор относит к независимым фермерам. Помимо них на РДВ получило распространение контрактное фермерство, при котором гражданин КНР заключает договор с более крупным китайским же агропредприятием, арендуя у него землю и продавая ему урожай на условиях, которыми определяется ответственность сторон за обеспечение техникой, семенами и удобрениями, набор рабочей силы, таможенное и визовое сопровождение и т.д.

По мере того как становилась очевидной выгодность фермерства в России и росла прибыльность этих хозяйств, в пограничных китайских провинциях все более развивался устный и

корпоративный рекрутинг, породив цепь миграций и настоящую «фермерскую гонку». В одном только уезде Дуннин до 10% населения (около 20 000 чел.) оказались постоянно вовлечены в сельское хозяйство на русской земле. Вместе с тем Цзяи Чжоу обращает внимание на то, что часть китайцев уходит из этого бизнеса, так как несет потери, будучи не в состоянии сделать вложения в оборудование, водоснабжение и т.д. Но автор не выявляет, как велик этот отсев предпринимателей [12, р. 1, 13, 15, 17, 19].

Следующий уровень вовлеченности в российскую агросферу автор связывает с появлением в ней с 2000-х гг. крупных китайских частных и государственных компаний, которые имели более широкий доступ к финансированию и часто скрытую или явную государственную поддержку как с китайской, так и с русской сторон. Например, одним из таких инвесторов выступило государственное предприятие «Baoquanling Land Reclamation Far East Agricultural Development Company», которое в 2004 г. учредило две «дочки» в Еврейской автономной области. В начале 2010-х гг. оно имело в России 51 ферму по выращиванию сои и кукурузы, а площадь арендованных ею у местной администрации земель составляла 10 000 га.

Исследователь отмечает, что Закон РФ 2002 г. о сельскохозяйственных землях позволил приобретать земли совместным акционерным компаниям, где имеется русское большинство. Исходя из этого, китайские инвесторы вошли в структурный симбиоз с российскими, образовав ряд *совместных компаний*, а те в свою очередь входят в многоуровневые взаимоотношения между собой и с другими акторами в форме ассоциаций, групп и т.п.

В качестве примера Цзяи Чжоу приводит одно из самых крупных и известных в Приморском крае совместных российско-китайских сельхозпредприятий – ООО «Компания «Армада», основанное в 2004 г., которое занимается животноводством и полеводством. В 2015 г. оно использовало 50 000 га земли, что равнозначно пахотной площади в округе Дуннин, откуда и происходит компания. Её китайский совладелец Ли Дэминь одновременно является председателем более масштабного образования – Дуннинской группы Хуасинь (Dongning Huaxin Industry and Trade Group) с широким спектром капиталовложений в России (в торговлю, транспорт, строительство, недвижимость), в том числе и в сельское хозяйство.

В 2010 г. «Армада» возглавила формирование так называемой китайско-российской зоны

сельскохозяйственного экономического сотрудничества, а в 2012 г. – инициировала образование «Хэйлунцзяно-Российской сельскохозяйственной кооперативной ассоциации», которая в настоящее время, как показано автором, доминирует в сельском хозяйстве Дальнего Востока. Она состоит из почти 100 корпоративных членов, получивших в распоряжение суммарно 380 тыс. га земли на Дальнем Востоке и в Сибири, а каждый из них – не менее 500 га.

Опираясь на китайязычные публикации, Цзяи Чжоу сообщает, что принципы организации этой ассоциации стали известны (очевидно, в Китае) как «хуасиньская модель», состоящая из множества уровней и структур. В нее входят предприятия приграничной торговли, крупнейший государственный агрохолдинг Группа Бэйдахуан (Beidahuang Group), кооперативы малых и средних предпринимателей, спонсоры, каждый из которых несет свой круг ответственности – от аренды земли, доступа к рынкам, логистики и таможенного оформления до финансовой поддержки и управления конкретными производственными операциями. Группа осуществляет также контрактное фермерство. Основным направлением Группы является выращивание зерновых и бобовых культур, а также молочное и мясное животноводство. Кроме того, она имеет три зерновых обрабатывающих центра, масло- и комбикормовый заводы. Руководство Группы заявляет, что оно старается проводить политику привлечения 60% местных трудовых ресурсов, а общее число её рабочих мест достигает 600 [12, р. 1, 13–14, 18–20].

Как видно из этой характеристики, несмотря на то, что ассоциация обозначена как китайско-российская, все её упомянутые элементы представляют лишь китайскую сторону, и мало что сообщается о роли российской, за исключением расплывчатых упоминаний об использовании земельных и трудовых ресурсов. Возможно, это исходит из задачи автора, поставившей в центр внимания формирование «китайского аграрного капитализма в России». Но в трудах дальневосточных авторов можно обнаружить объяснение, которое мы не можем здесь не привести.

Российские историки пришли к выводу, что консолидация предприятий с китайским капиталом (ПКК) в Приморье предпринята для лоббирования своих интересов в Китае. Не случайно «Хэйлунцзяно-Российская ассоциация...» учреждена в провинции Хэйлунцзян, имеет попечительский совет из представителей местной бюрократии и в России формально деятельность

не осуществляет. Такая форма объединения необходима ПКК, так как они зависимы от государственных финансовых ресурсов, и им требуется установление личных и символических связей со своими властями, заинтересованными в расширении международных связей. ПКК неизменно позиционируют себя в России как успешный результат российско-китайского сотрудничества, хотя лишь в одном холдинге есть вероятность участия российского капитала. При этом ПКК избегают публичности в России, но масштабно представлены в китайязычном информационном пространстве и склонны преувеличивать свои достижения с целью добиться от Пекина дополнительных льгот и преференций [3, с. 22–24; 2, с. 149].

Из трудов западных коллег остаются недостаточно ясными также принципы участия, формы и пропорции «вложений» каждой из сторон и в других совместных предприятиях, будь то агрохолдинги или фермерские хозяйства, обеспечивается ли в них взаимная выгода, и не является ли в некоторых случаях российское участие лишь вывеской, которая помогает китайцам обходить законы и бюрократические препятствия. Открыт вопрос и об экономическом эффекте китайского участия в сельском хозяйстве для региона в целом.

Как бы там ни было, зарубежная историография ясно определяет или подразумевает, что многие стороны китайского предпринимательства в российской агросфере скрыты не только от научного анализа, но и от государственного контроля. Некоторые исследователи выявляют и политические риски дальнейшего расширения китайского присутствия в дальневосточном пограничье. Симптоматично, что в отличие в 1990–2000-х гг., когда западные аналитики единодушно отвергали алармистские настроения, существовавшие в российском публичном пространстве, в последние годы они начали высказывать России осторожные предостережения на будущее. Так, Р. Ли (2013) считает, что китайские мигранты «могут со временем приобрести постоянный плацдарм на РДВ, добиваться льготных прав от русских администраторов пограничья и даже лоббировать некоторые виды особых отношений с провинциями своей китайской родины (сценарий реконквисты, знакомой наблюдателям по динамике процессов на американо-мексиканской границе)» [14].

Заключение

Рассмотренный круг англоязычных публикаций, несмотря на фрагментарность и неполноту в освещении проблемы, в целом показывает, что китайское проникновение в сельское хозяйство

юга РДВ в 1990–2010-е гг. проходило эволюцию от простейших до более сложных форм одновременно с российскими агропроизводителями, которые пережили болезненный слом советского государства и вынуждены были адаптироваться к новым для себя рыночным отношениям в условиях тяжелейшего кризиса. Как в том, так и в другом сообществе происходила социальная дифференциация, в результате которой на сельских просторах дальневосточного пограничья появились слои российского и китайского населения (как правило, обособленные, но иногда и тесно переплетающиеся), соответствующие постсоветской хозяйственной системе: наемные рабочие, самозанятые фермеры и, используя термин Цзяи Чжоу, «аграрные капиталисты» (от мелких до крупных). Китайские и российские предприниматели вступают между собой и с местными администрациями во взаимодействия разного уровня и форм, развивая интеграционные процессы, но частично действуют автономно. При этом китайская сторона экономически явно доминирует. Для многих бывших малоземельных крестьян, небогатых горожан и мелких торговцев, приехавших из соседних провинций КНР, российская агроплощадка послужила восходящим социальным лифтом, позволив им стать состоятельными людьми, чего не скажешь об отечественных сельчанах (причины этого – тема для отдельного исследования).

Западное экспертное сообщество подошло к пониманию китайского аграрного сегмента на РДВ как постоянно расширяющегося, неоднородного и усложняющегося явления, играющего позитивную роль в сохранении сельскохозяйственного производства в российском периферийном регионе, но далеко не беспроблемного и несущего в себе определенные риски.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ващук А.С. Миграционная политика России в конце XX – начале XXI века: надежды управленцев и реалии сельской глубинки юга Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 24–31.
2. Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 143–153.
3. Иванов С.А., Савченко А.Е., Зуенко И.Ю., Козлов Л.Е. Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия. Аналитический доклад. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 29 с. URL: <http://ihaefe.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf> (дата обращения: 14.02.2017).
4. Ларин В.В. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
5. Мищук С.Н. Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока России // Известия РАН. Серия Географическая. 2016. № 1. С. 38–48.
6. Чернолуцкая Е.Н. Перестройка и перспективы развития российского Дальнего Востока в американской историографии // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 54–64.
7. Balzer H., Repnikova M. Migration between China and Russia // Post-Soviet Affairs (USA). 2010. Vol. 26, N 1. P. 1–37.
8. Biao Xiang. Predatory princes and princely peddlers: The State and international labour migration intermediaries in China // Pacific Affairs (Canada). 2012. Vol. 85, N 1. P. 47–67.
9. Blank S. Russo-Chinese relations at a crossroads: An American view // Russia-China relations: Current state, alternative futures, and implications for the West / ed. by A. Moshes, M. Nojonen. The Finnish Inst. of International Affairs. Report 30. Tampere, 2011. P. 76–94.
10. Davis S. The Russian Far East. The last frontier? L., N.Y.: Routledge, 2003. 155 p.
11. Duncan J., Ruetschle M. Agrarian reform and agricultural productivity in the Russian Far East // Russia's Far East: A region at risk / ed. by J. Thornton, Ch.E. Ziegler. Seattle, L.: University of Washington Press, 2002. P. 193–220.
12. Jiayi Zhou. Chinese agrarian capitalism in the Russian Far East / BRICS Initiative for Critical Agrarian Studies (BICAS). 2015. Working paper 13. 26 p. URL: https://www.tni.org/files/download/bicas_working_paper_13_zhou.pdf (дата обращения: 14.01.2017).
13. Kontorovich V. The Russian Far East and the social sciences. The paper at the 34th National Convention of AAASS in Pittsburgh, 2002. URL: <http://ww3.haverford.edu/economics/old-siteOct2008/Faculty/Kontorovich/documents/AAASS.pdf> (дата обращения: 18.05.2016).
14. Lee R. The Russian Far East and China: thoughts on cross-border integration // Foreign Policy Re-

- search Institute (USA).2013, November. URL: http://www.fpri.org/docs/Lee_-_Russia_and_China.pdf (дата обращения: 10.02.2017).
15. Moltz J.Cl. Russo-Chinese normalization from an international perspective. Coping with the pressures of change // Politics and economics in the Russian Far East. Changing ties with Asia-Pacific / ed. by Tsuneo Akaha. L., N.Y., 2002. P. 187–197.
16. Wishnick E. Migration and economic security: Chinese labour migrants in the Russian Far East // Crossing national borders: Human migration issues in Northeast Asia / ed. by Tsuneo Akaha and A. Vasilieva. Tokyo, N.Y., Paris: United Nations University Press, 2005. P. 68–92.

ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY ABOUT CHINESE PARTICIPATION
IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE SOUTH OF THE RUSSIAN
FAR EAST DURING 1990–2010

E.N. Chernolutskaya

The article presents the analysis of approaches and evaluations of English-language historiography in relation to the Chinese penetration in the agricultural sector of the far-Eastern frontier in 1990-2010, with a focus on social transformations, the evolution of forms of ownership and types of economic organizations. The works of Western researchers reflect heterogeneity, the expansion and complication of Chinese agricultural segment of RDV – from the export of labor to the functioning of farms and large agrarian enterprises with the participation of private and public capital of China, as well as creating joint ventures with Russian actors. The other side of this process is the social differentiation of the Russian and Chinese rural population of the border areas. The article also identifies the views of the experts on the benefits, problems and risks of China's economic presence in the Russian peripheral region.

Keywords: agricultural sector; China-Russian cooperation, export of labor, farms, agribusinesses, southern Far East of Russia, North-Eastern province of China.